

КНИГА СУДЕБ

Я ЖИЛА В ЭТОЙ КОМНАТЕ

Сибирское в ней неискоренимо. Каждое утро лепит внукам пельмени. Голос громкий, поставленный, жест — широк, реакция — труднопредсказуема. "Вонительница" по ней плачет. Так до сих пор ее и не сыграла почему-то. Вернее, почему — понятно. Такого спектакля здесь не было. За все ее сорок лет жизни в Чебоксарах. Зато было столько других, что Антонина Николаевна Баулина давно им счет потеряла. Не та, чтобы в тетрадочку записывать. А душевную тетрадочку золотую, если открыть и увидеть глубоко в тылу сибирском, в Ленинск-Кузнецке (впоследствии Сталинск и еще более впоследствии Новокузнецк), девочку даже и не осмьнадцати, а пятнадцати, перед зеркалом за кулисами актового зала, все можно понять. Теперь. А тогда? Косы у Тони распущены, и она укладывает их в замысловатое, чтобы Фетимья в школьном спектакле "Не было ни гроша, да вдруг алтын", как появилась, так все и обмерли: плетенку торчком, локон молчком, губки пупочкой. Хулиганистая Антонина: "У-у! Желторотый чалдон!". А ведь натуральная блондинка, шея, грудь, локоток. Фу-ты, господи, что там в Ленинск-Кузнецке про это могли думать!

той же самой "кладбищенской" улице еще осталось. С удобствами на улице. Это называлось — бараки. Антонина Баулина в своей жизни видела всякое. Она никогда мягко не спала и сладко не ела. Но что она увидела здесь, поразило ее воображение. Все это дополнялось непролазной грязью, свинцовым мраком и проливным дождем. Актеры жили в бараке вплотную с трудовым народом. Все вместе впритирку с мышами, тараканами и керогазами. Она думала, что так рыдать можно только на сцене! Просто не узнавала свой голос. Комната не отапливалась, и доски в полу проваливались. На стене висела афиша, а на ней торопливым почерком: "Тонечка, я жила в этой комнате, все будет хорошо, уехала в Ленинград. Целую, Валя!" Скальдин пожал плечами: "Да не убивайтесь так! Дадим квартиру через полгода". Все наши артисты знают цену подобным обещаниям. Они вышли на улицу: деревня спала, как спят все деревни этой страны, — спиной к ним. "Мама, поедем обратно!" "Поедем, поедем, вот заночуем только, даже вещи не распакуем."

Вещи распаковали. Пришли к Мордковичу. "Ну что, молодежь наша золотая, носы повесили?" "Уедем." "Внизу машина. Поедем лучше со мной. Увидите своими глазами, что дом строится. Что, поедем? Или лучше о репертуаре, мадам и мсье?" "О

репертуаре." Как заметил Николай Васильевич Гоголь где-то: а я чуть было не откланялся.

Здесь опять-таки ставили "Любовь Яровую". Антонина Николаевна вспомнила про трубы и дым, но размечталась о Паниной, умной, курящей, неотразимой врагине народа. Но Панину уже играла другая. Вдохнув, представила главную героиню. Но и Яровую, революционную учительницу, предавшую мужа ради идеи, тоже уже распределили и согласовали с идеологическим отделом. Зато поручик Яровой оказался совершенно не занят. Славинский получил роль поручика. И заблестал.

А Баулиной дали почитать "Стряпуху" А.Сафронова, бесшумного лидера советских подмоетков. Это была самая громкая его пьеса. Но она (Баулина) об этом еще не знала и опечалилась, даже всплила вначале. Вместо Паниной — какую-то стряпуху! Потом прочитала, осознала большой простор для молодых хулиганств. И — прогремела! На нее стали ходить.

бивнем мамонта при входе.

Антонина была активной, о го- лосе уже было сказано. В партию, однако, периодически вступать отказывалась, профсоюзы и месткомы — тоже мимо. Еще и сын родился. Утром — репетиции, днем — магазины, готовка, Танечка, Сашенька, ложечка за папу-маму, вечером — спектакль. И так — годы. С прибавкой балетных кружков для Танечки и занятий на пианино для Сашеньки. Какие ей месткомы-партии! Зато на сцене все партийные дамы — ее. Убедительно говорила, целеустремленно. Один раз ей посоветовали: сходи на партактив, там есть несколько женщин, посмотришь, как это на самом деле. Она Корделию играла, с дочерьми королевскими не знакомясь, — ну, да ладно. А спектакль назывался "Вопросов больше нет". Нет больше, значит, вопросов, и никаких гвоздей. Посмотрела она на этих женщин и струхнула: да как их играть-то? Лучше бы не смотрела. И ЧТО в них играть? Но подтянулась. Краски нашла. Партийные мужчины пришли благодарить за кулисы, все бы, говорят, дамы-функционеры такими были, интереснее было бы работать. Правда, сейчас, слава Богу, народная артистка Баулина перешла на трагических и комических дам, теток и старух Островского, Манье, Гоголя и Тургенева, поскольку с распадом идеократических систем великое множество культовых пьес и вообще, так сказать, произведений совсем выпадает из обихода искусства.

А ноябрьские демонстрации! Бесшумно и чеканно. Я прекрасно помню ее голос: "Советская интеллигенция! Смелее на штурм новых высот науки и техники! Ура!" Актеров чувашского и русского театров загоняли в мерзлый автобус, они оттуда здравяцы выкрикивали, подпольно греясь коньяком и следя в окошко, чтобы электроаппаратному заводу не крикнуть что-нибудь про работников общественного питания. На майские — тоже автобус, но уже душный. Да артистам не привязать. Автобус — их второй дом родной. На сельских дорогах сколько они этих автобусов своими руками вытаскивали из хлябей нечерноземных...

Все это будет потом, и потом — Танечка и Сашенька растут, Славинский все на главных ролях, он уже немного пьет, но все это в театре привычно, хотя трагично не менее. Антонина выходит на сцену смелой партизанкой "В лесах". Они со старым партизаном, которого играл сам Иван Пустовойтов, попадают в плен к немцам. И те их торжественно расстреливают. Упала Антонина на сцену и думает, как там Танечка с Сашенькой, ничего не поели, а Пустовойтов, тоже убитый партизан, незаметно для зрителей (он за ней лежит, его не так видно) начинает щекотать ей пятки. А лежать надо было порядочно: разговоры, бой должен завязаться. Антонина лежит вся на виду, за нее мстят красные бойцы, как ей можно засмеяться. "Ну, — думает, — погоди, Иван Федорович!" Но ответной шутки так и не предприняла. Забыла. Отдохнула.

Муж ее ревновал, хоть был и не Отелло всех времен и народов Папазян. Но страстные поручики, неистовые Николо Паганини у него и на сцене были неотразимы. Когда в театр приехал Петр Вельяминов, все мужчины настрожились, так он был обаятелен. А тут еще сцена у Петра с Антониной любовная, объятия и поцелуи. Один друг, чтобы выпить и как бы посочувствовать, долго Славинскому втолковывал: ой, не играют, ой, чуе мое сердце... На одной из репетиций не идет работа, смотрит Александр на Вельяминова волком, Петр бросает текст: "Черт возьми, пока не скажешь, в чем дело, не буду работать!" Короче, все объяснилось.

Стали с тех пор лучшими друзьями. "Даже обидно," — смеется Баулина.

Сейчас, если Вельяминов бывает в Чебоксарах, значит, все, кто тогда в Русском работал, придут "к Тонечке" на пельмени. Он сразу идет в этот дом, где столько на кухне обсуждалось и мечталось. Антонина Николаевна немало знала таких вот людей, ни за что сидевших, высланных, исчезнувших, вернувшихся или канувших в неизвестность, а уж в Сибири их сколько было.

Отец ее учился в Петербурге на закройщика-бельевщика в жерардовской фирме, но после революции жерардовское белье было народу ни к чему, и он поехал зарабатывать на сибирскую шахту. От тяжелой работы и непроглядности запылил, умер, оставив четверых детей. А дети все: старший сын — скрипач, одна дочь играет на виолончели, две другие еще маленькие, но тоже в театр смотрят. И мать, и Наденька, и Лизанька, и Тоня — все оказались на иждивении брата. Он играл в оркестре. Ему пророчили большое будущее. Антонина так рано и ушла в театр, что ей хоть какое-то жалованье предложили. И вот сидит она в гримерке, завязывает какую-то народную косыночку для массовки, а ей сообщают, что брат на фронте убит. И она выходит, слезы слизывает и опять нараспев: "Трубы, трубы, дым, дым..." Думает: как же так, он такой умница, он же скрипач!.. И понимает, что Лизанька больше не будет играть на виолончели, если только она, Тоня, ей не поможет.

Вот так же она сидела и читала роль, Таня была в Ленинграде, училась в Вагановском, сын сидел рядом, разучивал что-то на пианино, когда ей позвонили и сообщили, что муж ее, Александр Славинский, будучи на гастролях, в гостиничном номере покончил с собой и что надо за ним приехать. Только дети дали ей силы жить.

За несколько лет до трагедии муж уезжал работать в Новочеркасск, здесь не заладилось, участившись стычки с главным режиссером. Однажды Александр вышел на подмошку, у него была большая роль. Пауза. Он молчит. Ему подсказывают. Он вдруг сделался совершенно белым. Он не помнил ни единого слова. Подсказывали уже со всех сторон. Но в памяти был такой провал, когда подсказки ничего не решают. Он не помнил, где он и что он. Дали занавес. Главреж, не менее белый, заорал, что это вы, мол, специально, чтобы спектакль испортить! Славинский ушел из театра. Какое-то время они вместе ездили с концертами от филармонии. Но его настойчиво звали в Новочеркасск. Ему там даже дали квартиру. "Приезжайте, здесь так тепло, столько фруктов, хорошая зарплата", — писал он оттуда. Антонина Николаевна собрала было вещи, но сын сказал: нет. Он не хотел менять школу, друзей, вести цыганский образ жизни, как многие актерские дети. Да и у нее опять пошли роли, работа — плотно. Она разрывалась на части до тех пор, пока муж не приехал обратно. И опять с успехом играл. Казалось, что все уладилось.

— Актеры — это же дети, испокон веку еще, знаете, как нас зовут, — сучьи дети, пусть так, — говорит она. — Мы все время должны приспосабливаться, глотать унижения и обиды, философски относиться к вечной зависимости от чего-то и от кого-то. Отсюда и фрондерство, и "весь этот гордый вид". Но актеры никогда не бывают злыми. Вспыльчивыми — да, даже эгоистичными, но злыми — никогда. Им просто нужно играть, ролей, ролей, ролей, как хлеб голодному, аплодисментов, конечно, куда денешься, играть, показывать, как честно можно играть роль, ведь люди играют роли постоянно и не признают себе в этом. Только актеры незачем это скрывать. И все думают, что он весь — открытая книга. И пусть думают. "Вы мне писали, не отпирайтесь..." Я и не отпиралась...

Рита КИРИЛЛОВА.